

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ: НОРМАТИВНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОСВЯЗИ

Ценаев С.П.

Учреждение образования «Брестский государственный технический университет», г. Брест, РБ, seraevsp@tut.by

Ecological knowledge and ecological programs are interrelated and contain norms and institutions. Contemporary society produces risks. Inconsistency of interests, norms and institutions are basis of risk. Ecological knowledge is the basis of ecological programm.

Введение

Сформировалось немало теорий, объясняющих причины экологического кризиса и соответственно значительное количество идей и программ изменения схемы управления социально-природными системами. Нормативность экологических программ базируется на потребностях и интересах, поэтому институциональная интерпретация объекта оказывается первичной в сложных системах, где одной из сторон остается субъект с его интересами, а реакция общества, его институтов на появление и распространение рисков, формирующихся в ходе социальных изменений, угрожающих жизни общества и жизни природы, к настоящему времени оказалась в центре внимания.

Экологическое знание и экологические программы (нормативно-институциональная взаимосвязь)

Нормативно (институционально) оформленная экологическая программа должна определять оптимальную с позиций интересов общества форму его производственных и воспроизводственных процессов, но их содержание приобретает смысл, если ясна перспектива развития общества. Признания в качестве исходных принципов основных императивов коэволюции недостаточно, последняя должна быть раскрыта через иерархию, порядок, системную сложность реально имеющихся возможностей развития социоприродных систем.

Необходимо отметить, что современное социальное знание преимущественно развивается в рамках методологий, требующих исключения из схемы объяснения естественно-природных факторов, а само «социальное» интерпретируется на основе фундаментальных принципов, сформулированных зачастую априорно-аксиоматическим образом.

Человеческая общность объясняется как нечто независимое от системы экологических закономерностей, влияния и императивов окружающей (природной) среды, а характер экологических императивов к ресурсному самоограничению зависит как от позиции их носителя, так и соответствующего социально-политического контекста. В массовом сознании появляется представление о допустимости риска. Главный источник рисков в трансформирующемся обществе — императив противопоставления социального природному, детерминирующий всеобщую подчиненность человека множеству отчужденных от него систем.

Специфика социальных феноменов, являющихся предметом экологического знания, определяется неспособностью человека к восприятию в действительном масштабе времени динамики и характеристик окружающей природной среды, включающих многие принципиально важные для человека экологические процессы. Экологические нормативные ограничения проникают в сознание и практику медленно, а риски осознаются уже после экологических катастроф. Критическое состояние социальной экосистемы наступает тогда, когда производство рисков становится определяющим в социальном производстве, сопровождающееся соответствующей трансформацией социальных институтов и норм.

Настоятельна необходимость реальных шагов по формированию социоэкологической системы, включающей природную, социально-экологическую и социально-экономическую подсистемы. Важным в этом процессе является формирование соответствующей парадигмы экологического знания, которое императивно и отражает процессы, характеризующиеся насущностью. Это сознание природно-детерминированной обеспокоенности.

Реакция на экологические проблемы носит опосредованный и отдаленный во времени характер, ее порождает не сама экологическая проблема, а ее общественно значимые последствия. Поэтому состояние социально экологической напряженности выступает критерием степени остроты социально-экологических процессов.

В последние годы произошел сдвиг от «технологической» риск-рефлексивности в сторону социальной и политической интерпретации проблемы. Сбои в нормативных системах имманентно содержат в себе риски в нераскрытом виде, в качестве подчиненного момента или косвенного результата. Грань между нормой и отклонением становится все более относительной, более того, при легитимности отклонений понятие риска теряет свой смысл и значение. Кризис есть реализация рисков, это состояние общества, риск же – процессуальная характеристика деятельности.

Однако у социума есть некоторый запас «нормативной устойчивости», позволяющий накапливать риски без изменения системы норм и институтов, хотя в настоящее время объемы рисков в социально-экологической сфере возрастают, а ее нормативная устойчивость уменьшается. Система норм и институтов перестала сдерживать риски. Более того, она стала их провоцировать, влияние старых и формирование новых институционально рискогенных систем стало усиливаться. Справедливо утверждение, что общество не только модернизируется, но и демодернизируется, последнее сопровождается актуализацией соответствующих институциональных структур.

Трансформация сопровождается активностью по сдерживанию процессов дезинтеграции за счет традиционализации нормативных и институциональных структур. Девиантные, отклоняющиеся системы стали подчинять своим интересам те структуры, которые сохранились от прежних времен, используя ресурсы, доставшиеся в ходе модернизации.

Уменьшается культурный ресурс, требуемый для адаптации к изменившимся условиям существования социума. Поэтому способность общества к риск-рефлексии становится ресурсом самосохранения и выживания, а это требует системной институционализации риск-рефлексии, перехода к взаимным, нормативно закрепленным самоограничениям, поскольку налицо дестабилизация некоторого всеобщего основания самосохраняющего поведения человека. В обществе всеобщего риска – равновесие смещается в сторону производства рисков, поэтому ценность производимых благ становится сомнительной.

Разумеется, сознание социальных субъектов сопротивляется принятию актуальности проблемы риска. Для нормативной системы принятие «риск- императива» означает базисные преобразования, а значит системные институционные изменения, чего в настоящее время не происходит, и не отражается в экологических программах. Последние адекватно раскрывают свою нормативную структуру только в контексте всех социальных параметров своего оформления.

Социальный контекст нормативности экологического знания не позволяет использовать жесткие логики (формальные логические системы) в построении экологических программ, а требует неформальных «мягких» логик, где упор делается не на исходные принципы, а на выявление возможностей реализации поставленных задач.

Требование такого подхода объясняется тем, что соотношение социальных сил в каждом конкретном случае специфично, характеристика этих сил и содержание их интересов не имеет жесткой линейной детерминации, исходящей только из одного основания. Поэтому трансформация принципов и значений в систему норм и правил распадается на противоречащие друг другу уровни.

Сложность проблемных ситуаций, фиксируемых нормативным аспектом экологического знания, приводит к значительному разнообразию познавательных нормативных моделей. Целостный характер проблемных ситуаций в социоприродных системах требует искать соответствующие средства теоретического осмысления и такие способы ее нормативного представления, чтобы стало возможным практическое использование системы норм для построения эффективных механизмов регулирования в социоприродных системах.

Парадигма выражает в своем содержании остроту социальных проблем, определяет систему императивов, т.е. правил и норм, обеспечивающих взаимосвязи в социальных системах. Она необходима для репродукционирования всех пластов культуры и служит легитимизации институтов общества.

Фундаментальность экологического знания не сводится к фундаментальности естественно-научных знаний, а выходит на мировоззренческий уровень, это касается и его нормативного содержания. Целостная фундаментальная концепция, отражающая социоприродный процесс, возникает не в ходе дедуцирования положений из неких установок, которые детерминированы нормативными системами большего уровня общности, а как итог обобщений накопленного опыта решения конкретных социально-экологических задач, причем данный опыт возникает вследствие реализации определенных интересов, соотношение которых зафиксировано в норме.

Экологическое знание и соответствующие программы природоохранной деятельности возникают как результат потребности социума целенаправленно изменять природную среду с тем, чтобы сохранить и развить органическое единство между природой и обществом.

Прикладные нормативные экологические модели должны быть просты с точки зрения их применения, адекватность реальному положению вещей должна обеспечиваться непосредственным включением эмпирически определяемых коэффициентов, зависимостей, статистических совокупностей и т.д. Поэтому необходимо найти способы нормативной декомпозиции сложной экологической ситуации на систему более простых моделей, для реализации которых имеются эффективные и надежные алгоритмы.

Необходимо учитывать, что в процессе реализации экологических программ возникает потребность определения роли и значения каждой отраслевой задачи всего программного комплекса. Это достижимо тогда, когда входящие в программу задачи представлены некоторой системой нормативно формализованных моделей, в полной мере отражающих интересующую нас социально-экологическую проблемную ситуацию, при этом задать нормативные взаимосвязи между отдельными задачами программы – значит упорядочить экологическое знание в определенную систему, которая выступает как знание, включающее в себя: сложившиеся представления о нормативной стороне процессов взаимодействия общества и природы и представления о целесообразной нормативной организации самой человеческой деятельности, ориентированной на определенный класс целей.

Поэтому экологическую программу следует строить как модель функционального синтеза, а всякую теоретическую интерпретацию социально-экологической проблемы необходимо рассматривать как модель, которая определяет конкретную программу решения упомянутой задачи.

Уровень экологических обобщений и, соответственно, степень общности практических задач зависит от масштабов функционального моделирования (и соответственно масштабов нормативного выражения), а их глубина — от степени детализации моделей и конкретизации нормативных схем. В зависимости от уровня и глубины моделирования социально-экологических систем изменяются требования к масштабам и глубине функционального синтеза экологических знаний. Этим сложности не исчерпываются, необходимо найти механизмы согласования несопадающих масштабов нормативности и противоречивости институционального выражения.

По мере углубления экологического знания исходные глобальные модели разветвляются в систему моделей. Отдельные их части перестают быть элементарными функциональными блоками и преобразуются в довольно сложные модели, требующие для своего построения более конкретной информации, возникает иерархия моделей знания и соответствующего экологического поведения, выражающая иерархию социально-экологических проблем и способы их видения.

Конкретная структура экологической программы, а следовательно, процедура конструирования экологического знания как ее основания и соответствующего институционального оформления зависит от способов выделения проблем и задач, за которыми скрываются интересы.

Экологическая программа формируется как система подпрограмм, каждая из которых отвечает определенному территориальному уровню. На всех уровнях программы должно предусматриваться построение комплексных нормативных моделей окружающей среды, включающих определение основных параметров хозяйственной деятельности моделируемого уровня и параметры, описывающие состояние соответствующего этому уровню природного комплекса, что дает возможность адекватно ставить вопрос о качестве среды, т.е. региональном показателе экологического благополучия, поэтому модель должна ориентироваться на максимизацию качества окружающей среды при соблюдении ограничений по затратам. Эти ограничения должны быть получены на основе анализа нормативных моделей, определяющих экономическое развитие региона.